

требования к поискам действенных каналов взаимоотношений общества и государства, бизнеса и власти.

Перспективы развития лоббизма в России напрямую зависят от осуществления одного из возможных сценариев развития российской государственности в предстоящее десятилетие. При восстановлении курса, проводившегося до 17 августа 1998 года, и сохранении олигархического капитализма лоббизм сохранит свои уродливые формы. Правящие круги по-прежнему будут тянуть с принятием закона о регулировании лоббизма, корпоративистское воздействие сохранит свой олигархический характер, функционирующие на макроуровне институты согласования социальных интересов, например, Генеральные соглашения между правительством, профсоюзами и работодателями, как и теперь, не будут оказывать существенного влияния на стабилизацию общества.

При установлении диктаторской формы правления усилятся корпоративистские методы согласования интересов. В современных условиях авторитарная форма правления возможна только как ориентированная на защиту национальных интересов. В этом случае корпоративистские группировки будут привлечены к конструктивному сотрудничеству, социальному компромиссу. При сохранении основ рыночной экономики возрастет роль консультационной и экспертной служб. Влияние олигархических групп снизится, в частности, за счет проверки законности приватизации и частичной национализации. У плюралистической модели лоббизма будет мало шансов на обретение законодательной основы.

При определенной коррекции курса реформ и постепенном вызревании правового демократического общества с перспективной рыночной экономикой возникнут условия для полноценного развития лоббизма как социально-политического института. Соответствующее законодательство ускорит процесс институционализации гражданского общества и его важной составной части – функционального представительства. В этих условиях возникнет одна из наиболее эффективных и демократических моделей лоббизма – плюралистическая. Она приспособлена для открытого влияния извне на решение властных структур в пользу тех или иных интересов при их сопоставлении и соревновательности без установления между сторонами обязывающих отношений. Неокорпоративизм приобретет черты и свойства, укрепляющие демократию и стабильность.

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС В ОЦЕНКЕ А. И. ГЕРЦЕНА

А.М. Страхов

Нет необходимости обосновывать как весомое значение Польши для России, так и теснейшую связь польской и русской наций, уходящую своими корнями в далекое прошлое. Многовековая история двух славянских народов – русского и польского – характеризуется периодами дружбы и вражды, сочувственной солидарности и взаимного недоверия. В сложных взаимоотношениях разбираются политики и историки, оперируя широким набором исторических фактов, свидетельствующих о взлетах и падениях русско-польских отношений. Было время, когда русские и поляки совместно проливали свою кровь, действуя как союзники против общего врага, и было время, когда они шли друг на друга. Историческая память обоих народов омрачена немалым количеством трагических вех, среди них поход Сигизмунда III на Москву в XVII веке и три раздела Польши между Пруссией, Австрией, Россией в веке XVIII.

Практически на протяжении всего XIX столетия значительная часть польской территории принадлежала России; по решению Венского конгресса (1814-1815 гг.) в течение ста лет, вплоть до оккупации в ходе I мировой войны Германией и Австро-Венгрией, так называемое Королевство Польское, созданное на основе бывшего Варшавского княжества, находилось под властью царского правительства, жестоко подавлявшего неоднократные освободительные восстания поляков (1830-1831 гг.; 1846 г.; 1848 г.; 1863-1864 гг.).

Российское общественное мнение неоднозначно относилось к польскому вопросу. К чести русской нации, отдельные ее представители поднимали свой голос против попрания прав и свобод поляков, к их числу относятся и А.И. Герцен, болезненно переживавший кровавые события в Польше и несправедливость российских властей по отношению к польскому народу.

Герценова оценка польского вопроса интересна не только как красноречивый факт обостренной русской совести, но и для характеристики сегодняшних политических решений. В связи с этим рассмотрение герценовской оценки польского вопроса представляется достаточно актуальным.

Многочисленные отзывы Герцена о войне показывают его явным поборником ненасильственных способов разрешения политических проблем. Герцен не приемлет ни «страшной трагедии» – войны, ни «полицейского усмирения войсками». По мнению мыслителя, полно смотреть свысока на парадную форму и инспекторские смотры, надо видеть и перевязочную, и лазарет, и избу, лишенную отца и хлеба, – теневые стороны милитаризма. Возмущает Герцена и пропаганда войны: «Нам особенно противны журналисты и писатели, зовущие войну, толкающие в нее народы. Повели бы мы всех этих кабинетных любителей батальей, военных столкновений, атак и отступлений – на поле сражения, пожалуй, после битвы, чтоб они ознакомились с чудовищем, которому кадят чернилами» (Герцен А.И. Собр. соч. в 30 тт. – Т. 29. – С.108). Однако пацифистские мотивы во взглядах Герцена не мешают ему проводить различие между войнами освободительными и войнами захватническими. К освободительным войнам мыслитель относил войну России против наполеоновского нашествия в 1812 г. Видел он и освободительный характер польских восстаний, в поддержку которых активно выступал.

Герцен – патриот, но он весьма далек от официального патриотизма; чтобы отмежеваться от последнего, мыслитель избегал называть себя патриотом. «Любовь к отечеству, любовь к государству... как ни мудри над этими схоластическими различиями, одно ясно: это – не любовь к истине, не любовь к справедливости. Патриотизм всегда будет добродетелью, покоящейся на пристрастии; он проводит иногда к самопожертвованию и всегда – к завистливому вожделению, к скаредному и эгоистическому консерватизму. Любовь к ближнему недалеко здесь от ненависти к соседу», – пишет он (там же. – Т.18. – С.214). Следует заметить, что Герцена не отнести к космополитам (космополитизм он попросту высмеивал), но для мыслителя-патриота далеко не безразлично, какие деяния совершают его правительство, его страна. Если эти деяния позорны, как это имело место со стороны самодержавия в Польше, то все сочувствие Герцена на стороне тех, против кого были направлены русские штыки. Тем более, что «для царя завоевательная война – единственное средство приобрести популярность и сохранить свою власть», «уклониться от решения внутренних вопросов» (там же. – Т.12. – С.192).

Герцен убежден, что каждый народ имеет полное право на свободу, на независимость. «Польша, как Италия, как Венгрия, имеет неотъемлемое полное право на государственное существование, независимое от России», – писал Герцен. «Россия не имеет прав на Польшу, – продолжал он, – она должна заслужить то, что взяла насильно; она должна заглаживать то, что сделали ее руками, и если Польша не хочет этого Союза, мы можем об этом скорбеть, можем не соглашаться с ней, но не предоставить ей воли – мы не можем» (там же. –

Т. 14. – С.18-19). Сквозь призму современных ему российско-польских отношений Герцен сумел увидеть уже в XIX в. центробежную и центростремительную тенденции, столь характерные для конца XX столетия. Он писал: «Очевидным в наше время является стремление человечества объединиться во все более обширные союзы. И именно поэтому-то искусственные объединения, одерживаемые насильем, залитые кровью, должны распасться и развалиться на куски. Сродство и сочувствие народов прежде всего должно быть свободным для того, чтобы свершился взаимный соответствующий подбор» (там же. – Т. 12. – С.213).

Для Герцена важно мнение самих народов в вопросе об их определении, а не политические амбиции правительств могущественных государств: «Но скажите, что мы за наследники венского конгресса, что будем расписывать, какая полоса земли куда принадлежит, не спросив людей, на ней живущих. Да ведь так парижские дипломаты недавно совещались о том, что следует желать и чего не следует желать румынам в Молдо-Валахии» (там же. – Т. 14. – С.21). Поляков, разумеется, не спросили, а желания находиться под управлением русского самодержавия у поляков нет. «Поляков, которые хотели бы остаться под державой России, я не видел, а видел я поляков довольно на моем веку», – пишет Герцен (там же. – Т. 14. – С.247). «Поглощение Польши царской Россией – нелепость, насилие, – насилие, очевидное по количеству войска, которое стоит в Польше с 1831 года», – убежден мыслитель (там же. – Т. 15. – С.46), по мнению которого отдельные провинции империи имеют «полное право на всяческую автономию, на вольное соединение, на полное слияние, на полное расторжение» (там же. – Т. 17. – С.206).

Очевидно, что сочувствие Герцена на стороне Польши и поляков. Он активно выражает это сочувствие в своих многочисленных работах, красноречивые названия которых недвусмысленно выражают крайне критическое отношение мыслителя к происходящим трагическим кровавым событиям: «Преступления в Польше», «Подлые!», «Разврат войны», «Русский грабеж и разбой в Польше», «Плач» и т.д.

Герцен, глубоко убежденный, что народам война не нужна, хотел бы избежать военного решения спорных вопросов, в том числе вопроса польского. Вину за очередную волну польского освободительного движения в 1863-1864 гг. мыслитель возлагал на провокационные действия царского правительства, объявившего набор польских рекрутов – «Набор этот без восстания не мог обойтись. Это знали русские точно так же, как поляки» (там же. – Т. 17. – С.41). Поэтому с особой болью Герцен воспринял тревожные вести из Польши, грозящие новой большой кровью: «Итак, Варшаве еще раз придется поднять свою покрытую рубцами и закованную руку на защиту детей своих от людокрадов. Наши офицеры, наши солдаты долею станут с ними, потому что против них идти позорно, русская кровь польется с обеих сторон, и все это из-за чего? Из-за капризной мести трусливого правительства, которое, не давая никому отчета, следует поэтическим внушениям своего расстроенного воображения. Под опеку Думы его! под опеку Собора земского!.. или мы дойдем до страшных бедствий» (там же. – Т.16. – С.265). Боль Герцена усиливается еще и тем, что кровавые события в Польше способны пагубно сказаться на освободительном движении в самой России. «Мы умоляли поляков всех партий, всех оттенков не возмущать дела русского развития и идти к свободе и независимости иным путем, идти вместе с нами. Но отворотить восстания мы не могли, да и вряд ли мог кто-нибудь», – пишет он (там же. – Т. 19. – С.253).

Но коль скоро восстание началось, все симпатии Герцена на стороне польского Лаокоона, в неравном бою сражающегося с петербургским чудовищем: «Да, поляки-братья, погибнете ли вы в ваших дремучих мицкевических лесах, воротитесь ли свободными в свободную Варшаву – мир равно не может вам отказать в удивлении. Начинаете ли вы новую эру независимости и развития, заключаете ли вашей смертью вековую, беспримерную борьбу – вы велики. В вас благословенна родина ваша; она, в своем терновом венце, может

гордиться сыновьями. В вас благородно, изящно сочетались два великих наследства двух великих покойников: все чистое, восторженное и преданное рыцаря со всем доблестным и могучим древнего римского гражданина. Хвала вам!» (там же. – Т. 17. – С.26).

Нсоднократно обращаясь к русской армии, Герцен пытается пробудить в ней сочувствие к полякам, объяснить захватнический, полицейский, позорный характер расправы над восставшими. Еще в 50-е годы он писал о царе: «Ему не жалко крови русской. А еще есть добрые люди между вами, которые его называют отцом, – вотчим он безжалостный, а не отец. Мы, изгнанники русские и польские, на чужбине плачем, читая о рекрутских наборах, о тяге народной, о ненужной гибели тысяч наших воинов... Гибнуть за дело следует; на то в душе человеческой храбрость, отвага, преданность и любовь; но горько гибнуть без пользы для своих, из-за царского упрямства» (там же. – Т. 12. – С.201). Не сдерживает гнева по отношению к самодержавию Герцен и позже. «Только падение этой династии немецких татар может смыть с нас копоть пожаров, невинную кровь и виновное повиновение», – восклицает он (там же. – Т. 18. – С.66). Достается от Герцена не только «гадкому» и «двуличневому» правительству, но и активно поддерживающей это правительство «казенной» и «откупной» журналистике.

Герцен в «Братской просьбе к русским воинам» обращается с призывом сочувственно и понимающе отнестись к поступающим в русскую армию польским рекрутам, «несчастливым жертвам польского набора»: «Друзья, братья, русские воины, примите новых товарищей с распростертыми объятиями; покажите им, что русский народ добрее, лучше русского правительства» (там же. – Т.17. – С.34). Надо отметить, что Герцен не раз проводил отличие официальных властей от русского народов. «Между нами, русским народом и империей Всероссийской, совсем нет столько общего, как думают», – подчеркивал он. (Там же. – Т. 17. – С.207).

Герцен не сомневался в нравственных силах русского народа: «Нет, мы не верим, чтоб юное поколение России приняло на себя эти капли непорочной крови, эти веревки, срезанные с виселицы. Чтоб оно из любви к империи Российской стало со стороны палачей, грабителей, со стороны пытки, – для этого надобно быть самому подлым, проданным или сумасшедшим» (там же. – Т.17. – С.193). «...Если б мы верили, что русский народ в своем азиатском раболепии любит господство над другими народами, и в силу этого выносит рабство, и в силу этого станет теперь за правительство, против Польши, нам осталось бы только желать, чтоб Россия как государство была уничтожена, обесславлена, разбита на части; желать, чтоб оскорбленный и попраный народ русский начал новую жизнь, для которой память прошедшего была бы угрызением совести и грозным уроком» (там же. – Т.17. – С.42).

Основания для подобных заявлений у Герцена были и немалые. Позорные страницы истории русско-польских отношений XIX века освящены смертью в рядах польских повстанцев подпоручика 15-го пехотного Шлиссельбургского полка А.А. Потемни и его русских соратников.

Герцен самым непосредственным образом связывал восстановление дружеских отношений русского и польского народов с освобождением России и Польши. И в самом деле, движение двух братских славянских народов к свободному и действительно (а не только декларативно) демократическому обществу не может не послужить основой для преодоления прежних проблем в их взаимоотношениях, приведя в конечном счете к тесному и прочному сотрудничеству в духе взаимоуважения и искренней взаиморасположенности. Один из кирпичей в фундамент таких взаимоотношений несомненно был заложен еще в XIX столетии Герценом.